

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1

Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии

Сергей Владимирович ВОЛОДЕНКОВ

доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

ЦИТИРОВАНИЕ: Володенков С.В. (2020) Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 6–24. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1

Статья поступила в редакцию 01.03.2020.

АННОТАЦИЯ. *Интенсивное внедрение в актуальную политическую практику цифровых технологий вызывает необходимость изучения учеными и специалистами сразу нескольких важных вопросов, связанных с феноменом цифровизации на современном этапе развития человеческой цивилизации.*

В первую очередь нас интересует вопрос о том, действительно ли внедрение цифровых технологий в современные политические процессы вызывает соответствующие изменения в сферах функционирования государства и общества. Насколько корректно вести речь о цифровизации государства и общества со стороны политологов? Другим важным для нас вопросом является определение векторов влияния: появление и широкое распространение новых типов цифровых технологий влияет на появление

и развитие новых типов общественно-политического устройства, либо же государство лишь использует новые технологические возможности для обеспечения эффективности процессов политического управления в современных условиях, сохраняя и поддерживая потенциал традиционных политических режимов? Каково взаимовлияние новых цифровых технологий и институтов политической власти в настоящее время?

Наконец, для нас крайне важным представляется вопрос о том, какие эффекты в политической сфере порождает внедрение цифровых технологий в актуальную практику и каковы основные сценарии трансформации современного политического пространства в подобных условиях.

Рассмотрению указанных вопросов и посвящена данная работа. Автор

предпринимает попытку показать, что на сегодняшний день мы можем говорить о реальных трансформациях в параметрах функционирования государства и общества, а также в сфере их взаимодействия. При этом традиционные политические режимы, перестав выступать в качестве монопольного источника политической информации в связи с появлением альтернативных акторов цифрового взаимодействия и формированием конкурентного политического пространства, предпринимают активные попытки сохранить политический контроль и устойчивость в современных условиях.

Большинство сценариев эволюции и трансформации политического пространства в условиях цифровизации связаны именно с попытками традиционных институтов власти сохранить контроль над источниками, каналами и контентом цифровых информационно-коммуникационных процессов, а общественно-политическое взаимодействие государства и общества становится более интенсивным по количественным параметрам, однако содержательная сторона подобного взаимодействия не подвергается существенным изменениям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическое пространство, цифровизация общества, технологии коммуникации, политический режим, общественно-политическое взаимодействие, цифровая трансформация

Методология исследования

В рамках данной работы были использованы анализ научного дискурса в сфере цифровизации современного общества, критический анализ подходов, связанных с исследованием потенциала цифровых технологий в сфере

общественно-политического управления, а также метод сценариотехник, позволивший нам сформулировать ключевые сценарии трансформации политических процессов в условиях цифровизации современного общества.

Постановка проблемы

Сам феномен цифровизации нуждается в уточнении, т. к. актуальная практика демонстрирует существенные различия в понимании данного феномена различными акторами. Как пишет А.Г. Чернышов, «современное «цифровое» общество развивается хаотично и несистемно» [Чернышов 2017, с. 324]. Существует значительное число подходов к пониманию феномена цифровизации, акцентирующих внимание на различных сторонах проникновения цифровых технологий в ключевые сферы жизнедеятельности современного государства и общества. Однако в целом можно сформулировать подход, согласно которому цифровизация порождает новую цифровую реальность, включающую расширенный инструментарий коммуникаций, ресурсы и технологии Big Data, искусственный интеллект и нейросетевые алгоритмы работы с цифровыми данными, технологии наблюдения и распознавания визуальных образов, модели профилирования граждан на основе их персональных цифровых следов. Именно их синергия качественно отличает современную ситуацию от динамики десяти- или двадцатилетней давности. Сегодня цифровизация не столько противопоставляется традиционной «офлайновой» среде существования, сколько имплементируется в нее, вызывая новые эффекты и порождая новые риски. Именно в контексте возникшей синергии становится понятным весь драматизм переноса общественно-политических процессов в цифровую сферу.

В связи с этим нам представляется недостаточным понимать под цифровизацией исключительно совокупность процессов внедрения в различные сферы жизнедеятельности государства и общества платформ, ресурсов, технологий, решений и практик, позволяющих заместить аналоговые коммуникации цифровыми, т. к. сегодня речь идет не о простом замещении аналоговых практик цифровыми, но и о появлении новых моделей и практик функционирования общественно-политической сферы в технологически развитых государствах.

Но для того чтобы рассмотреть следствия цифровизации современного общества, прежде всего нам необходимо определить основные признаки, на основании которых мы можем сделать вывод о том, что цифровизация сегодня является не теоретическим конструктом, а реально существующем в актуальной практике феноменом, оказывающим свое влияние на политические процессы.

В первую очередь отметим тот факт, что публичная политика, отношения между институтами государства и общества постепенно, но неуклонно перемещаются в цифровое пространство, от массовых интернет-дискуссий в социальных сетях по всем вопросам политической повестки до экспертных блогов в Telegram [Mediascope 2019].

Как показывает анализ актуальной практики, традиционные средства массовой информации постепенно утрачивают свое влияние [Четверть россиян потеряли доверие 2019], появляются так называемые фабрики цифрового контента. Традиционное пространство публичной политики при этом неуклонно сокращается, процессы в нем становятся все менее интенсивными и значимыми [Aalberg, Blekesaune, Elvestad 2013].

Кроме того, формируются новые коммуникационные модели взаимо-

действия между субъектами политических процессов (например, портал «Активный гражданин», change.org и др.), при этом также изменяются традиционные оценки приоритетности ресурсов и их общественной важности. Многие актуальные вопросы политики, вытесненные из публичного офлайн-дискурса, дебатировались в онлайн-сообществах, которые становятся продвинутой альтернативой парламентской и партийной работе для политически активных и зачастую оппозиционных по отношению к действующей власти групп граждан. «Сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродуцирования всех социальных институтов, определяя формат социальных и политических отношений» [Морозова, Мирошниченко, Рябченко 2016, с. 85].

В этих условиях возникают новые субъекты политики, выстраивающие коммуникационные, артикуляционные и мобилизационные процессы преимущественно (либо исключительно) в сетевом пространстве, начиная от онлайн-партий и заканчивая международными террористическими организациями, осуществляющими вербовку своих сторонников в Интернете. «Инструменты политической власти, влияния и контроля рассеяны между разнообразными акторами, в т. ч. индивидуальными и коллективными» [Морозова, Мирошниченко, Рябченко 2016, с. 90].

Все это позволяет нам говорить о реальности цифровизации и ее влиянии на трансформацию общественно-политической сферы жизнедеятельности.

При этом если платформы, ресурсы и технологии относятся скорее к технологической сфере, то решения и, самое главное, практики применения цифровых коммуникаций институтами власти и общества больше относятся, по нашему мнению, именно к сфере политической. Так, например, политика го-

сударства в сфере обеспечения информационной безопасности определяет, какие типы ресурсов будут доступны обществу для осуществления цифровых коммуникаций. Яркий пример – попытки запрета мессенджера Telegram, блокировка почтового сервиса Proton Mail, социальной сети LinkedIn и других в России.

Разные государства по-разному регулируют спектр доступных решений для массовой цифровой коммуникации, однако это не отменяет того факта, что политика является первичной в области национальных конфигураций цифровизации как таковой. Само государство рассматривает цифровое пространство как обладающее политическим потенциалом, перенося на него право на легитимное насилие. Неслучайно значительная часть нормативных актов, регулирующих цифровые коммуникации, сегодня относится к политической сфере (например, наказание за оскорбление власти).

Попытки поставить под государственный контроль цифровые сервисы и платформы, ограничить их деятельность, не позволить гражданским институтам и обществу в целом пользоваться теми или иными коммуникативными технологиями – вполне очевидная реакция институтов власти на технологические трансформации в сфере массовых коммуникаций [Freedom House 2019].

Если мы вспомним идею Г. Инниса о том, что именно наиболее распространенные технологии коммуникации во многом определяют тип общественно-политического устройства в конкретной стране [Innis 1950], то можем сделать вывод о том, что бесконтрольное внедрение технологий массовой цифровой коммуникации обладает потенциалом влияния на традиционные политические режимы и параметры их функционирования.

В связи с этим мы можем предположить, что в определенном смысле цифровизация на сегодняшний день является и в обозримой перспективе будет являться процессом конкурентной борьбы между технологическими корпорациями и другими акторами, разрабатывающими и внедряющими современные технологии цифровой коммуникации, и государствами, преследующими цель поставить цифровизацию под свой контроль и в своих интересах для сохранения политической власти и возможностей управления обществом. В противном случае с высокой степенью вероятности технологические трансформации неизбежно приведут и к трансформациям политическим.

Мы можем ожидать значительно-го усиления контроля за пользовательской активностью в цифровом пространстве, включая создание различных вариантов национальной киберполиции, обострения конфликтов между государствами и транснациональными корпорациями в аспекте борьбы за возможности регулирования Интернета и за право на цифровой контроль.

Очевидно, что стремление институтов власти сохранить стабильность своего функционирования в современных условиях не отменяет в полной мере технологические изменения и неуклонную цифровизацию общества. Противодействие технологическому прогрессу и переходу к новому технологическому укладу чревато для большинства государств глобальным отставанием уже в ближайшем будущем. Как пишет Л.В. Сморгун, «сетевой подход не только отражает споры между представителями различных политико-управленческих теорий, но и является ответом на изменение условий, в которых осуществляются политика и управление публичными делами. Экология политики и управления публичными делами за последние десятиле-

тия существенно модифицировалась, что заставляет искать их новые модели. Значительное число факторов, включая массовую информатизацию, падение доверия населения к центральным органам управления, привело к пересмотру традиционных управленческих подходов» [Сморгунов 2001, с. 105].

В связи с этим современные государства активно внедряют в управленческие процессы цифровые технологии, пытаются поставить их на службу своим интересам. Не является исключением и Россия. По мнению Г.А. Малышевой, «достаточно обоснованными кажутся предположения, согласно которым образ «цифрового будущего» России, поскольку он канализирует общественные устремления в прогрессивную технологическую сферу, используется властью как фактор стабилизации политического режима и источник его новой легитимности» [Малышева 2018, с. 41].

Однако, как мы считаем, государство не является монопольным субъектом цифровизации, и в сфере цифровизации возникают серьезные противоречия государственных, корпоративных и общественных интересов, что требует своего осмысления с позиций современной политической науки.

О конфликтном потенциале цифровизации писал еще М. Кастельс, основывая свои выводы именно на конфликте ценностей и интересов: «взаимосвязь между технологией, коммуникацией и властью отражает противоположные ценности и интересы и привлекает множество субъектов в конфликте» [Castells 2007, р. 239]. Однако в своей работе Кастельс 13 лет назад еще не мог осмыслить существенный потенциал цифровых конфликтов в сфере геополитики. В силу экстерриториальности цифровых коммуникаций на сегодняшний день одной из ключевых проблем стало обеспечение национально-

го цифрового суверенитета в условиях глобального противоборства ведущих держав, стремящихся взять под контроль цифровое пространство в мировом масштабе для достижения своих интересов и распространения собственных ценностей, сконструировать и обеспечить доминирование собственной версии цифровой реальности.

Сценарии цифровизации современного политического пространства

В условиях существенной роли государства как актора, непосредственно влияющего на процессы общественно-политической цифровизации и определяющего ее параметры, большинство сценариев цифровой трансформации политического пространства не позволяет вынести государство «за скобки».

Первоначальная оптимистичная позиция многих западных ученых о значительном потенциале современных технологий массовой коммуникации в аспекте демократизации обществ на практике имеет существенные ограничения, связанные с политическими факторами, генераторами которых во многом являются именно институты государственной власти.

Например, даже представления об Интернете как современном коммуникационном пространстве имеют разное содержание в зависимости от того, какова позиция того или иного государства по данному поводу. Так, ряд государств придерживается позиции, согласно которой Интернет является глобальным коммуникационным пространством, в котором нет места национальным сегментам, а свобода распространения информации не должна ограничиваться национальными политическими режимами [Remarks on Internet Freedom 2010].

В актуальной редакции национальной стратегии США в киберпространстве четко заявлено о том, что Вашингтон намерен распространять свободный Интернет по всему миру, противодействуя влиянию тех стран, в которых уровень государственного контроля над обществом является высоким. Для достижения поставленной цели американские власти готовы реализовать сразу несколько подходов – от создания глобальной сети спутников, раздающих Интернет по всему миру, до поддержки в различных государствах локальных инфраструктурных или технологических проектов, нацеленных на обеспечение свободы Интернета [National Cyber Strategy of the United States 2018].

Большинство представителей американских властей на протяжении многих лет постоянно публично заявляли и заявляют о том, что Интернет – это единое, глобальное и свободное цифровое пространство, в котором не может быть места контролю со стороны государств.

Одновременно с этим на сегодняшний день сложилась многочисленная группа стран (Россия, Китай, Иран и т. д.), которые придерживаются иного подхода, в соответствии с которым государство имеет право осуществлять контроль над национальными сегментами цифрового пространства, обеспечивая собственную информационную безопасность и не допуская внешнего информационного вмешательства.

Даже данная дихотомия уже ставит вопросы о том, что будет пониматься под глобальной цифровизацией – формирование единого циф-

рового пространства, не зависящего от конкретных государств, либо совокупности национальных цифровых пространств, имеющих определенные (хоть и различные) уровни взаимодействия с внешней по отношению к конкретному государству цифровой средой. На наш взгляд, уже в ближайшем будущем международные конфликты в сфере определения сущности и параметров функционирования Интернета как цифрового пространства будут существенно обостряться.

Анализируя актуальную практику, мы можем предположить, что в реальности будет реализован в определенной степени дихотомический сценарий развития Интернета, подразумевающий, с одной стороны, активность ряда государственных и корпоративных акторов по глобализации цифрового пространства, а с другой стороны – формирование достаточно обособленных (хотя и не полностью закрытых) национальных цифровых сегментов, регулируемых и контролируемых государственными акторами, стремящимися ограничить внешнее информационно-коммуникационное влияние на национальные политические режимы, а также предотвратить внешнее вмешательство в суверенные общественно-политические процессы¹.

При этом мы считаем, что продвижение идеи глобального свободного Интернета без границ во многом сопряжено с попытками установления режима глобального доминирования и контроля в цифровом пространстве со стороны акторов, активно продвигающих идеи цифровой свободы. Под видом борьбы за демократизацию проис-

¹ В качестве яркого примера попыток ограничения внешнего влияния можно привести инициативу Президента Республики Беларусь А. Лукашенко, выступившего в 2019 г. на Международной конференции «Борьба с терроризмом при помощи инновационных подходов и использования новых и возникающих технологий» с предложением по созданию «пояса цифрового добрососедства» на основе признания национального цифрового суверенитета и обеспечения невмешательства государств в информационные ресурсы друг друга.

ходит экспансия в национальные цифровые сегменты, в результате чего государства-мишени сталкиваются или столкнутся в ближайшем будущем с угрозой утраты контроля над собственным информационным суверенитетом.

Суть противостояния двух представленных нами сценариев – борьба за право контролировать массовое сознание населения, управлять массовыми представлениями и массовым поведением в собственных интересах. По нашему глубокому убеждению, на сегодняшний день никакой речи о демократизации обществ посредством распространения технологий и ресурсов свободной цифровой коммуникации вести нельзя.

Независимо от декларируемых намерений, государственные и корпоративные акторы стремятся добиться возможностей реализации своих собственных интересов в цифровом пространстве за счет установления контроля над ним.

В результате современная цифровизация во многом связана с технологической и нормативной «гонкой» за право диктовать свои правила игры в цифровом пространстве. Независимо от того, каковы намерения субъектов цифровой экспансии – внешнее вторжение в суверенные национальные сегменты информационного пространства либо же противодействие подобному вторжению и обеспечение устойчивости собственных политических режимов за счет информационного контроля над населением – внедрение технологий цифровой коммуникации в общественной и политической сферах сопряжено в первую очередь со стремлением обеспечить управляемость данных процессов со стороны институтов государственной власти.

Ввиду этого мы можем спрогнозировать уже в ближайшем будущем все большее усиление государственного

контроля как за технологическими корпорациями, так и за массовым пользователем, ужесточение правил пребывания в цифровом пространстве, все более интенсивное правовое регулирование цифровой среды общественно-политических коммуникаций, противодействие попыткам анонимизации граждан в сети и существенное сокращение уровня цифровой приватности населения технологически развитых стран.

В таких условиях вполне вероятен отход от демократии или рудиментов демократии в сторону приоритета обеспечения безопасности существующего порядка и общества, тотальная слежка друг за другом через социальные сети, коллективное доноительство, а также создание цифровых политических паттернов – жестко зафиксированных шаблонов поведения «законопослушного гражданина».

Данная парадигма имеет сравнимые вероятности формирования независимо от того, по какую сторону «баррикад цифрового противоборства» находится то или иное государство. В условиях, когда цифровой суверенитет, право на владение самостоятельной информационно-коммуникационной инфраструктурой, право на доступ к массовому сознанию посредством цифры становятся краеугольным камнем как внешнеполитической, так и внутривнутриполитической деятельности институтов власти, весьма перспективным становится сценарий, в рамках которого возможно формирование не только максимально закрытых национальных, но и более крупных – блоковых, цивилизационных сегментов цифрового пространства, создание нейтральных цифровых поясов в рамках региональных государственных блоков и союзов.

Реализация данного сценария будет связана с экспансией сильнейших государств (цивилизационных центров с

мощным собственным политическим проектом) в сферу глобальных коммуникаций и интенсивной трансляцией собственных смыслов, идей, ценностей и стилей в лояльные сегменты цифрового пространства.

В противовес подобной активности в рамках глобалистского подхода акторами-антагонистами будут активно развиваться и поддерживаться цифровые проекты, имеющие глобалистскую, космополитическую, трансграничную и транснациональную, ультралиберальную или либертарианскую ориентацию.

В подобных условиях глобально-информационного противоборства и формирования межгосударственных политических конфликтов в сфере цифровых коммуникаций, когда цифровые ресурсы приобретают характер геополитических, высока вероятность еще большего ограничения цифровых прав и свобод граждан в целях обеспечения национальной безопасности и предотвращения внешней информационно-коммуникационной агрессии. Объектами ужесточения, очевидно, будут являться общество и его институты.

С высокой степенью вероятности в ответ на «цифровую агрессию» государства будут создавать и поддерживать локальные цифровые сообщества, ориентирующиеся на национальные политические ценности и смыслы, характеризующиеся патриотической и прогосударственной направленностью. В связи с данным обстоятельством политизация цифрового пространства с высокой степенью вероятности только усилится и будет поощряться институтами государственной власти, стремящимися сохранить собственную легитимность и обеспечить лояльность со стороны граждан.

Подобная «цифровая гонка» с точки зрения политического содержания массовых коммуникаций может при-

вести, по нашему мнению, к поощряемой радикализации взглядов и настроений участников цифровых сообществ, искусственному сужению спектра политических позиций и мнений, а также появлению нового класса угроз и вызовов в сфере общественно-политического развития.

Общественно-политическое развитие в условиях цифровизации

Как мы уже показали, традиционные институты власти в первую очередь заинтересованы в собственном сохранении, в связи с чем нацелены на использование современных информационно-коммуникационных технологий преимущественно в собственных интересах, не стремясь к институциональным трансформациям без ярко выраженной необходимости, например, когда поддержание гомеостазиса невозможно в связи с существенными трансформациями внешней среды и система нуждается в изменениях с целью адаптации к новым условиям функционирования. По нашему мнению, большинство изменений в параметрах функционирования традиционных институтов власти связано именно с необходимостью вынужденных адаптаций. Сохраняя контроль над новыми каналами коммуникации, традиционные институты имеют возможность поддерживать и охранять существующие традиционные модели политического устройства, используя цифровые технологии для удержания власти.

В связи с этим оптимистичные прогнозы, касающиеся радужных перспектив формирования и развития новых моделей общественно-политического устройства и распределения власти на основе внедрения современных цифровых технологий, далеко не всегда

оправдываются. Более того, «непомерное восхищение «цифрой» приводит к некритическому отношению к возможным последствиям «цифровизации» всей общественной жизни для естественной локальной жизни самого человека, оторвавшегося от земли» [Чернышов 2017, с. 325].

Нам представляется, что в части перспектив формирования политических режимов в форматах прямой демократии, экспертной демократии, мониторинговой демократии, демократии совместного действия и т. д. всем нам следует иметь весьма умеренные и осторожные ожидания, включая возможности формирования и расширение практик е-резидентства и цифрового гражданства.

Существующие на сегодняшний день технологии цифровой коммуникации между обществом и властью не являются гарантом качественного и эффективного общественно-политического взаимодействия. Более того, зачастую проблему повышения качества подобного взаимодействия подменяют задачей повышения интенсивности диалога между представителями гражданского общества и институтами власти [KhosraviNik, Unger 2016]. Действительно, мы можем наблюдать определенную интенсификацию коммуникаций между институтами власти и общества, появление новых возможностей коммуникации простого человека и государства, однако напрямую данное наблюдение никак не связано с изменениями в качестве эффективности дискуссий между властью и обществом. Оперативность, мультимедийность, экстерриториальность, удобство, экономичность цифровой коммуникации являются в большинстве случаев необходимыми, но недостаточными для обеспечения более высокого качества общественно-политической дискуссии параметрами.

По нашему мнению, во многих случаях на самом деле происходит псевдопривлечение масс к обсуждению публичной политики, а также возникает эффект псевдоучастия граждан в политических процессах и принятии политических решений, что напрямую влияет на снижение эффективности традиционных моделей и институтов представительной демократии [Bennett, Pfetsch 2018].

Формируется ложное ощущение, что все большее количество заинтересованных людей участвует в решении общественно значимых проблем, хотя властный ресурс фактически не перераспределяется по линии от государства к обществу. Появляются многочисленные «имитаторы» процесса де-libерации, которые являются лишь инструментом удержания контроля политического дискурса в соответствующих средах [Engesser, Ernst, Esser, Büchel 2017; Bouvier, Machin 2018].

Реальная часть политической деятельности закрывается от публики, взамен создается специальная деятельность повестка для трансляции в публичном пространстве. Как итог – растет значимость медийной активности и качества репрезентации власти в Интернете в силу повышения репутационных рисков в условиях открытости и доступности информации в онлайн-пространстве [Aelst et al. 2017].

По мнению многих экспертов, принявших участие в международном исследовании «Интернет-коммуникации как инструмент виртуализации современного публичного пространства политики: модели, сценарии, технологии» [Интернет-коммуникации как инструмент виртуализации 2019] осенью 2019 г., публичная политика в сетевом пространстве значительно упрощается, значимые политические проблемы существуют в формате storytelling и не переходят в содержательные дискуссии

о сущности и причинах той или иной проблемы, обсуждения конструктивных и результативных способов ее решения.

По сути, мы сталкиваемся с иллюзией, заключающейся в ожидании неминуемой смены традиционного общественно-политического устройства в результате цифровизации коммуникационных процессов, но данные ожидания ничем не подкреплены, кроме как оптимистичными заявлениями и декларациями политиков и гражданских активистов. Содержание дискуссии, ее уровень не есть производные от типа коммуникации. Новая технология – это всегда возможность, но далеко не гарантия ожидаемых изменений, что неоднократно демонстрировала нам история эволюции государств на протяжении многих столетий [Benkler, Faris, Roberts 2018].

Безусловно, мы можем выделить значительный спектр возможностей повышения качества и эффективности функционирования государства и общества в условиях цифровизации.

В первую очередь речь идет о возможностях повышения эффективности государственного управления в целом путем оптимизации организационных структур и управленческих процессов, трансформации методов управления и улучшения качества управленческих решений на базе современных цифровых технологий, повышения прозрачности государственных институтов, а также создания электронного правительства, интегрирующего различные социальные группы и минимизирующего риск цифрового разрыва в гражданском обществе.

Сюда же можно отнести потенциал преобразования национального государственного аппарата в цифровую сервисную платформу, перевод государственных услуг в автоматизированные цепочки алгоритмов, развитие ин-

ститутов прямой демократии и связанное с этим увеличение возможностей участия граждан в управлении государством.

В качестве еще одной потенциальной возможности мы можем выделить формирование устойчивых обратных связей между институтами государства и общества в сфере цифровых коммуникаций, расширение форматов конвенционального политического участия на основе демократических принципов, стимулирование общественно-политических дебатов и обеспечение их плюрализма, повышение политической активности граждан, включая участие в общественно-политической жизни государства в целом.

Позитивные изменения в общественно-политической сфере в условиях цифровизации также могут быть связаны со следующими возможностями:

- увеличение прозрачности, удобства, оперативности и эффективности избирательного процесса за счет внедрения системы электронных референдумов, онлайн-выборов, а также создания надежных систем защиты процесса подсчета голосов и результатов голосования;
- формирование режима прямой демократии плебисцитарного типа, широкие возможности для проведения референдумов и плебисцитов по «узким» вопросам до принятия государственных решений (тестовые опросы, сканирующие исследования и т. д.), т. е. привлечение массовой аудитории к решению конкретных проблем на конкретных территориях (в т. ч. в форматах краудсорсинга и экспертной демократии) с возможностями быстрого и эффективного масштабирования успешных моделей решения проблем на другие территории;

- формирование эффективной политической коммуникации между властями всех уровней и гражданским обществом в оперативном, интерактивном, экстерриториальном и круглосуточном режиме;
- решение ключевой политической проблемы – сочетания широкой и многоуровневой демократии, качественной ротации государственных кадров и эффективной государственной политики по различным направлениям;
- создание эффективной системы общественного контроля за деятельностью властей различного уровня;
- расширение возможностей развития режимов мониторинговой демократии (общественная экспертиза цифровых профилей граждан перед выдвижением кандидатами в органы власти всех уровней; формирование открытых баз знаний о политической и экономической активности представителей политической элиты, чиновников, депутатов и т. д.);
- создание и активное развитие сетевых общественно-политических организаций и движений, представляющих широкий спектр политических идеологий, и, как результат, вовлечение граждан в процессы цифровой политики на горизонтальном уровне, преодоление атомизации общества за счет формирования устойчивых коммуникационных связей между гражданами в рамках функционирования сетевых организаций и движений общественно-политического типа, а также с помощью мобилизации граждан для участия в совместных общественно-политических офлайн-проектах и мероприятиях;

- появление условий для обеспечения прозрачной политической конкуренции цифровых лидеров общественного мнения, имеющих поддержку в онлайн-пространстве со стороны различных групп интернет-пользователей.

Отдельно следует выделить весьма важную возможность разработки и использования в системе государственно-политического управления инструментов предиктивной аналитики и моделирования политических процессов на основе массивов Big Data, содержащих информацию о «цифровых следах» граждан и описывающих массовые политические предпочтения, ожидания, требования и интересы.

Расширение аналитических и предсказательных возможностей в сфере цифрового управления самым непосредственным образом может влиять на устойчивость, эффективность и адекватность политических режимов, активно использующих соответствующие алгоритмы работы с Big Data (в данном аспекте ряд участников исследования в качестве возможности также определил повышение адресности информационно-коммуникационного воздействия на избирателей в рамках планирования и проведения политических агитационно-пропагандистских кампаний с точечным таргетингом электората).

Таким образом, мы можем достаточно высоко оценить потенциал внедрения современных цифровых технологий в политическую практику, связывая процесс цифровизации информационно-коммуникационной сферы политического пространства с формированием значительного спектра возможностей общественно-политического развития современных государств [Tambini 2015].

Однако анализ актуальной практики скорее демонстрирует обратные по смыслу эффекты.

Говоря о характере влияния технологий интернет-коммуникации на параметры функционирования традиционного политического пространства, следует обратить внимание на ряд существенных моментов.

Так, массовые представления о социально-политической реальности все в большей степени формируются под влиянием замещающих и искажающих ее цифровых виртуальных моделей, воздействие которых на общественное сознание постоянно возрастает.

Необходимо отметить существенные трансформации в контексте повышения степени виртуализации политического интернет-пространства и увеличения уровня влияния сетевых акторов на социально-политические процессы офлайн, а также увеличения пропагандистского и манипуляционного потенциала интернет-ресурсов применительно к политической сфере [Benkler, Faris, Roberts 2018].

Новые технологии делают традиционное пространство политики более фрагментированным, поляризованным, конфликтным, манипулятивным и идеологизированным. Более того, граница между публичной и частной сферами становится все более размытой [Mansell 2017].

У политических субъектов возникает необходимость обеспечивать постоянную и непрерывную информационно-коммуникационную самопрезентацию, которая приобретает более высокую значимость, чем реальная деятельность политика или политического института.

Эффективное формирование цифровых версий событий (а зачастую – симулякров событий) становится одной из ключевых характеристик публичной политики в современном интернет-пространстве.

Существенно растет значение феномена пост-правды. В условиях формирования симулякров, сотканых из достоверных фактов и непроверенной информации, растут и множатся фейки, выступающие инструментом «вирусного» формирования массовых настроений в сети и виртуальным заместителем реальных политических явлений, событий и процессов.

Уровень политизированности масс повышается, но публичная политика становится более хаотичной и подверженной сиюминутным реакциям в ущерб системности. Происходит разрушение идентичностей, включая национально-государственную и политическую [Trappel, Steemers, Thomass 2015].

Публичная политика в сетевом пространстве основывается в большей степени на лозунгах и в меньшей – на сложных программах. Значимым фактором становится не столько содержательная политическая программа, сколько привлекательный и эффективно «посеянный» в интернет-пространстве лозунг для различных групп сетевых пользователей [Papathanassopoulos, Negrine 2019].

В связи с формированием и массовым распространением эффекта клипового сознания, на первый план выходит максимально упрощенный и визуализированный контент (короткие видеоролики, демотиваторы, мемы), а содержательная часть сокращается и становится все менее значимой.

Политика все в большей степени начинает проявляться в развлекательных и максимально десакрализованных шоу-форматах, привлекательных, доступных, простых, непротиворечивых и удобных для информационного потребления. При этом, в условиях развития технологий Big Data, такого рода цифровые медиапродукты могут быть четко таргетированы для целевых ау-

диторий воздействия с максимальным учетом полученной на основе анализа «цифровых следов» информации об индивидуальных предпочтениях и особенностях восприятия, что многократно повышает эффективность информационно-коммуникационного воздействия [Sætra 2019].

Результатом цифровизации может стать существенное падение уровня массовой политической культуры, распространение массовой общественно-политической безграмотности и инфантильности, снижение качественного уровня дискуссий по общественно-значимым проблемам и отчуждение граждан от реальных политических процессов, жесткий контроль за содержанием общественно-политического дискурса, активное распространение в цифровой среде массовых стереотипов, предубеждений и предрассудков в формате *deep fake*, а также повышение степени подверженности общественного сознания манипуляционно-пропагандистскому воздействию [Maillana 2018].

Наконец, еще одним вызовом в сфере общественно-политического развития может стать ситуация крайне низкой предсказуемости векторов развития социально-политических процессов в условиях высоких скоростей цифровой коммуникации. В подобной ситуации традиционные линейные прогностические модели могут не работать, что формирует риски существенного снижения управляемости цифровых обществ.

Очевидно, что обозначенные тенденции, которые мы можем наблюдать в актуальной практике, могут существенным образом влиять на развитие современного общества и снизить степень демократичности и устойчивости современных государств, несмотря на активно предпринимаемые попытки контроля над цифровым пространством.

Выводы

По итогам проведенной работы мы можем сделать вывод о том, что содержательная сторона цифровизации и то, какие эффекты она порождает в сфере современного общественно-политического развития, являются весьма неоднозначными. Несмотря на объективное наличие позитивного потенциала цифровизации и оптимистичный настрой многих политиков, специалистов и ученых, внедрение цифровых технологий в различные области жизнедеятельности государства и общества само по себе еще не является гарантией успешного и позитивного результата в политическом смысле.

В данной работе мы выделили целый спектр актуальных угроз и вызовов в сфере современного общественно-политического развития, связанных с внедрением в общественно-политическую практику цифровых технологий коммуникации. Как пишет в своей работе Б. Барбер, любая новая технология обладает потенциалом разрушения демократии, который нельзя игнорировать [Barber 1998, pp. 581–582].

Следует отметить, что на конечный сценарий цифровизации (или же сценарии, т. к. мы допускаем вероятность формирования отличающихся друг от друга различных национальных моделей цифровизации), который будет реализован на уровне реальной практики, способно воздействовать значительное число различных факторов. Вопросы: каков будет выбранный цифровой вектор, каким станет баланс между необходимостью обеспечения национальной информационной безопасности в условиях глобального информационного противоборства, потребностью политических режимов в обеспечении собственной устойчивости в эпоху глобальной нестабильности и

стремлением граждан к эффективному общественному развитию, являющемуся ключевым условием успеха и выживания государств и народов в современных условиях, – остаются сложными и открытыми.

Безусловно, технологические трансформации и, в частности, цифровизация оказывают существенное влияние на параметры функционирования современных государств и обществ [Votmer, Sorensen 2016]. Но также верно и обратное: и государство, и общество при условии своей зрелости способны влиять на то, каким образом будут использованы новые цифровые технологии в общественно-политической сфере, станут ли они инструментами создания общества цифрового контроля, в котором интересы государства и обеспечение его устойчивости за счет доминирования в цифровой среде будут безусловным приоритетом, либо же цифровизация даст новый импульс для общественного развития и появления политических режимов нового типа, предоставляющих новые возможности для эффективного функционирования государств, основанных на прогрессивных моделях распределения и реализации власти.

В связи с этим проблемы цифровизации должны стать предметом тщательного и вдумчивого изучения учеными и специалистами. Мы уверены в том, что вопросы эволюции современного цифрового общества являются крайне актуальными и важными в аспекте выработки оптимальных моделей государственного и общественного развития. При этом мы вынуждены отметить, что существующие сегодня в массовом сознании устойчивые стереотипы о «свободном цифровом обществе будущего» нуждаются в серьезной переоценке с позиций современной науки, чему и была посвящена данная работа.

Список литературы

Интернет-коммуникации как инструмент виртуализации современного публичного пространства политики: модели, сценарии, технологии (2019) // Факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова // <http://polit.msu.ru/science/research/19-011-31335/>, дата обращения 20.05.2020.

Малышева Г.А. (2018) О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. № 1. С. 40–46 // <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5630/submission/original/5630-10469-1-SM.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Морозова Е., Мирошниченко И., Рябченко Н. (2016) Фронтير сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 2. С. 83–97 // https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/83-97_Morozova_.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Сморгунов Л.В. (2001) Сетевой подход к политике и управлению // ПОЛИС. № 3. С. 103–112 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078477_48093392.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Чернышов А.Г. (2017) Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 40. С. 319–328 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30779007_44951302.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Четверть россиян потеряли доверие к телевидению за десять лет (2019) // РБК. 1 августа 2019 // <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2019/5d41c03a9a79472355ee2cса>, дата обращения 20.05.2020.

Aalberg T., Blekesaune A., Elvestad E. (2013) Media Choice and Informed Democracy: Toward Increasing News Consumption Gaps in Europe? // *International Journal of Press/Politics*, vol. 18, no 3, pp. 281–303. DOI: 10.1177/1940161213485990

Aelst P.V., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F. et al. (2017) Political Communication in a High-Choice Media Environment: A Challenge for Democracy? // *Annals of the International Communication Association*, vol. 41, no 1, pp. 3–27. DOI: 10.1080/23808985.2017.1288551

Barber B. (1998) Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy // *Political Science Quarterly*, Winter 1998–1999, vol. 113, no 4, pp. 573–589. DOI: 10.2307/2658245

Benkler Y., Faris R., Roberts H. (2018) *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*, Oxford: Oxford University Press.

Bennett W.L., Pfetsch B. (2018) Rethinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres // *Journal of Communication*, vol. 68, no 2, pp. 243–253. DOI: 10.1093/joc/jqx017

Bouvier G., Machin D. (2018) Critical Discourse Analysis and the Challenge of Social Media: The Case of News Texts // *Review of Communication*, special issue CDS and/in Communication: Theories, Methodologies, and Pedagogies at the Intersections, vol. 18, no 3, pp. 178–192. DOI: 10.1080/15358593.2018.1479881

Castells M. (2007) Communication, Power and Counter-power in the Network Society // *International Journal of Communication*, vol. 1, pp. 238–266 // <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/46/35>, дата обращения 20.05.2020.

Engesser S., Ernst N., Esser F., Büchel F. (2017) Populism and Social Media: How Politicians Spread a Fragmented Ideology // *Information, Communication and Society*, vol. 20, no 8, pp. 1109–1126. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1207697

Freedom House: В мире снижается уровень свободы в интернете // *Deutsche Welle*. 5 ноября 2019 // <https://www.dw.com/ru/freedom-house-в-мире-снижается-уровень-свободы-в-интернете/a-51118270>, дата обращения 20.05.2020.

Innis H. (1950) *Empire and Communications*, Oxford: Clarendon Press.

KhosraviNik M., Unger J. (2016) Critical Discourse Studies and Social Media: Power, Resistance and Critique in Changing Media Ecologies // *Methods of Critical Discourse Studies* (eds. Wodak R., Meyer M.), London: Sage, pp. 206–233.

Mansell R. (2017) Inequality and Digitally Mediated Communication: Divides, Contradictions and Consequences // *Journal of the European Institute for Communication and Culture*, vol. 24, no 2, pp. 146–161. DOI: 10.13140/RG.2.2.23191.16805

Maulana I. (2018) Mutual Understanding in the Age of Vulnerable Truth // *Handbook of Research on Examining Global Peacemaking in the Digital Age* (ed. Cook B.L.), Hershey, PA: IGI Global. DOI: 10.4018/978-1-5225-3032-9.ch005

Mediascope: интернет обошёл телевидение по суточному охвату в России (2019) // *Sostav*. 29 мая 2019 // <https://www.sostav.ru/publication/mediascope-internet-skoro-operedit-televidenie-po-okhvatu-auditorii-37340.html>, дата обращения 20.05.2020.

National Cyber Strategy of the United States of America (2018) // The White House, September 2018 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Papathanassopoulos S., Negrine R. (2019) Political Communication, Digital Inequality and Populism // *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination* (ed. Trappel J.), Göteborg: Nordicom, pp. 79–94.

Remarks on Internet Freedom (2010) // U.S. Department of State, January 21, 2010 // <https://2009-2017.state>.

gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm, дата обращения 20.05.2020.

Sætra H.S. (2019) The Tyranny of Perceived Opinion: Freedom and Information in the Era of Big Data // *Technology in Society*, vol. 59. DOI: 10.1016/j.techsoc.2019.101155

Tambini D. (2015) Five Theses on Public Media and Digitization: From a 56-country Study // *International Journal of Communication*, vol. 9, no 1, pp. 1400–

1424 // <https://eprints.lse.ac.uk/62187/1/five%20theses%20on%20public%20media%20and%20digitization.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Trappel J., Steemers J., Thomass B. (eds.) (2015) *European Media in Crisis, Values, Risks and Policies*, New York: Routledge.

Voltmer K., Sorensen L. (2016) *Media-tised Transitions: Democratisation in an Age of Media Abundance*. Working Paper, MeCoDEM.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1

The Contemporary Political Processes Transformation in the Context of Society Digitalization: Key Scenarios

Sergey V. VOLODENKOV

DSc in Politics, Associate Professor, Professor of the Public Policy Department Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovskij Av., 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

CITATION: Volodenkov S.V. (2020) The Contemporary Political Processes Transformation in the Context of Society Digitalization: Key Scenarios. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 6–24 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1

Received: 01.03.2020.

ABSTRACT. *Intensive introduction into actual political practice of digital communication technologies causes the need for scientists and experts to study several important issues related to the phenomenon of digitalization at the current stage of human civilization evolution.*

First of all, we are interested in the question of whether the introduction of digital communications into contempo-

rary political processes causes corresponding transformations in the spheres of the functioning of the state and society. How correct is it to talk about the digitalization of the state and society by political scientists? Another essential issue for us is the definition of influence vectors: do the emergence and widespread dissemination of new types of communication technologies affect the emergence and development

of new types of social and political systems, or the state only uses new technological capabilities to ensure the effectiveness of political governance processes in today's environment, maintaining and supporting the potential of traditional political regimes? What is the mutual influence of new communication technologies and political power institutions at present?

Finally, the extremely important for us issue is what effects in the political sphere are generated by the implementation of digital communication technologies into actual practice and what are the main scenarios for the transformation of the contemporary political space in such conditions.

Consideration of these issues is the subject of this work. The author makes an attempt to show that we can talk today about real transformations in the parameters of the state and society functioning, as well as in the sphere of their interaction. At the same time, traditional political regimes, having ceased to act as a monopoly source of political information due to the emergence of alternative actors of information and communication activities and the formation of competitive political space, are actively trying to maintain political control and stability in the current environment. Most scenarios of the evolution and transformation of the political space in the context of digitalization are associated precisely with the attempts of traditional institutions of power to maintain control over the sources, channels, and content of digital communication processes. At the same time, the socio-political interaction of the state and society becomes more intense in quantitative terms. However, the content side of this interaction is not undergoing significant changes.

KEY WORDS: political space, society digitalization, communication technologies, political regime, socio-political interaction, digital transformation

References

A Quarter of Russians Have Lost Confidence in Television in Ten Years (2019). RBC, August 1, 2019. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2019/5d41c03a9a79472355ee2cca>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Aalberg T., Blekesaune A., Elvestad E. (2013) Media Choice and Informed Democracy: Toward Increasing News Consumption Gaps in Europe? *International Journal of Press/Politics*, vol. 18, no 3, pp. 281–303. DOI: 10.1177/1940161213485990

Aelst P.V., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F. et al. (2017) Political Communication in a High-Choice Media Environment: A Challenge for Democracy? *Annals of the International Communication Association*, vol. 41, no 1, pp. 3–27. DOI: 10.1080/23808985.2017.1288551

Barber B. (1998) Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy. *Political Science Quarterly*, Winter 1998–1999, vol. 113, no 4, pp. 573–589. DOI: 10.2307/2658245

Benkler Y., Faris R., Roberts H. (2018) *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*, Oxford: Oxford University Press.

Bennett W.L., Pfetsch B. (2018) Rethinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres. *Journal of Communication*, vol. 68, no 2, pp. 243–253. DOI: 10.1093/joc/jqx017

Bouvier G., Machin D. (2018) Critical Discourse Analysis and the Challenge of Social Media: The Case of News Texts. *Review of Communication, special issue CDS and/in Communication: Theories, Methodologies, and Pedagogies at the Intersections*, vol. 18, no 3, pp. 178–192. DOI: 10.1080/15358593.2018.1479881

Castells M. (2007) Communication, Power and Counter-power in the Network Society. *International Journal of Communication*, vol. 1, pp. 238–266. Available

at: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/46/35>, accessed 20.05.2020.

Chernyshov A.G. (2017) Digitalization and Technologization of Public Life as a Socio-Political Problem: Maintaining Identity and the Role of the State in the Development of Global Networks. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no 40, pp. 319–328. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30779007_44951302.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Engesser S., Ernst N., Esser F., Büchel F. (2017) Populism and Social Media: How Politicians Spread a Fragmented Ideology. *Information, Communication and Society*, vol. 20, no 8, pp. 1109–1126. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1207697

Freedom House: Internet Freedom Declines in World. *Deutsche Welle*, November 5, 2019. Available at: <https://www.dw.com/ru/freedom-house-в-мире-снижается-уровень-свободы-в-интернете/a-51118270>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Innis H. (1950) *Empire and Communications*, Oxford: Clarendon Press.

Internet Communications as a Virtualization Tool for the Modern Public Space of Politics: Models, Scenarios, Technologies (2019). *Faculty of Political Science, Moscow State University*. Available at: <http://polit.msu.ru/science/research/19-011-31335/>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

KhosraviNik M., Unger J. (2016) Critical Discourse Studies and Social Media: Power, Resistance and Critique in Changing Media Ecologies. *Methods of Critical Discourse Studies* (eds. Wodak R., Meyer M.), London: Sage, pp. 206–233.

Malysheva G.A. (2018) On the Socio-political Challenges and Risks of Digitalization of Russian Society. *Vlast'*, no 1, pp. 40–46. Available at: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5630/submission/original/5630-10469-1-SM.pdf>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Mansell R. (2017) Inequality and Digitally Mediated Communication: Divides, Contradictions and Consequences. *Journal of the European Institute for Communication and Culture*, vol. 24, no 2, pp. 146–161. DOI: 10.13140/RG.2.2.23191.16805

Maulana I. (2018) Mutual Understanding in the Age of Vulnerable Truth. Handbook of Research on Examining Global Peacemaking in the Digital Age (ed. Cook B.L.), Hershey, PA: IGI Global. DOI: 10.4018/978-1-5225-3032-9.ch005

Mediascope: The Internet Has Bypassed Television in Daily Coverage in Russia (2019). *Sostav*, May 29, 2019. Available at: <https://www.sostav.ru/publication/mediascope-internet-skoro-operedit-televidenie-po-okhvatu-auditorii-37340.html>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Morozova E., Miroshnichenko I., Ryabchenko N. (2016) Frontier of the Network Society. *World Economy and International Relations*, vol. 60, no 2, pp. 83–97. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/83-97_Morozova_.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

National Cyber Strategy of the United States of America (2018). *The White House*, September 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>, accessed 20.05.2020.

Papathanassopoulos S., Negrine R. (2019) Political Communication, Digital Inequality and Populism. *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination* (ed. Trappel J.), Göteborg: Nordicom, pp. 79–94.

Remarks on Internet Freedom (2010). *U.S. Department of State*, January 21, 2010. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm>, accessed 20.05.2020.

Sætra H.S. (2019) The Tyranny of Perceived Opinion: Freedom and Information in the Era of Big Da-

ta. *Technology in Society*, vol. 59. DOI: 10.1016/j.techsoc.2019.101155

Smorgunov L.V. (2001) Network Approach to Politics and Management. *Polis*, no 3, pp. 103–112. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078477_48093392.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Tambini D. (2015) Five Theses on Public Media and Digitization: From a 56-country Study. *International Journal of Communication*, vol. 9, no 1, pp. 1400–

1424. Available at: <https://eprints.lse.ac.uk/62187/1/five%20theses%20on%20public%20media%20and%20digitization.pdf>, accessed 20.05.2020.

Trappel J., Steemers J., Thomass B. (eds.) (2015) *European Media in Crisis, Values, Risks and Policies*, New York: Routledge.

Voltmer K., Sorensen L. (2016) *Mediatized Transitions: Democratisation in an Age of Media Abundance*. Working Paper, MeCoDEM.